

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Первые студенты

Уральские рассказы

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Первые студенты

«Public Domain»

1887

Мамин-Сибиряк Д. Н.

Первые студенты / Д. Н. Мамин-Сибиряк — «Public Domain»,
1887 — (Уральские рассказы)

«Как-то странно сказать: мои воспоминания, потому что давно ли все это было? Вчера, третьего дня – так живо проходят пред глазами разные сцены, разговоры, лица... А между тем несомненно, что все это уже отошло в область прошлого, далекого прошлого, о чем так красноречиво свидетельствуют новые люди, явившиеся на смену старым, как свежая трава сменяет прошлогоднюю. Перебирая в своем уме разные воспоминания, невольно удивляешься, что вот это случилось пятнадцать лет назад, а то двадцать...»

Содержание

I	5
II	8
III	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Первые студенты

I

Как-то странно сказать: мои воспоминания, потому что давно ли все это было? Вчера, третьего дня – так живо проходят пред глазами разные сцены, разговоры, лица... А между тем несомненно, что все это уже отошло в область прошлого, далекого прошлого, о чем так красноречиво свидетельствуют новые люди, явившиеся на смену старым, как свежая трава сменяет прошлогоднюю. Перебирая в своем уме разные воспоминания, невольно удивляешься, что вот это случилось пятнадцать лет назад, а то двадцать.

Да, двадцать лет тому назад я был большим подростком – самый «неблагодарный возраст», когда человек от ребят отстал, а к большим не пристал. Это время колебаний, сомнений и каких-то смутных позывов вперед, в туманную даль неизвестного будущего. Помню те приливы юношеской гордости, которые сменялись периодами сомнений и самоуничижения. Совершался глубокий внутренний перелом, какой наблюдается у животных в пору первого линяния или перемены всей кожи. Тянуло к живым людям, в общество, и вместе с тем одолевал какой-то беспричинный страх, заставлял искать одиночества.

Лично для меня в этот критический период спасением являлась охота, – я говорю о лете, когда все время было свободно.

Приезжая на каникулы в один из уральских горных заводов, я большую часть времени обыкновенно проводил с ружьем в лесу. Бродить по горам от зари до зари, делать ночевки по лесным избушкам или где-нибудь на прииске, в старательском балагане, – было истинным наслаждением после школьных занятий в среднеучебном заведении. Это было счастливое время, хотя к осени обыкновенно я превращался в порядочного дикаря.

Моим неизменным спутником в таких экскурсиях был один из молодых заводских служащих. Раз мы как-то потеряли друг друга около горы Мочги. Вечерело. В лесу темнеет быстро, и мне хотелось засветло выбраться из ельника куда-нибудь на ночлег. Ближайшим удобным пунктом для такой цели был прииск Мочга – стоило только спуститься по реке версты две, а там и прииск и знакомые мужики. Когда торопишься, дорога всегда кажется длиннее. Как я ни спешил, быстро шагая по ельнику, но вышел на прииск уже в сумерки. В лесу поднялась тяжелая ночная сырость, все предметы кругом принимали самые фантастические очертания, и я был очень доволен, когда между деревьями мелькнуло мутное пятно прииска.

Картина прииска хорошим летним вечером замечательно оригинальна: весь лог, точно молоком, залит густым белым туманом, по утору у лесной опушки приветливо мигают около старательских балаганов огоньки, пахнет гарью и дымом, а по логу из конца в конец волной ходит проголосная приисковая песня. Бредешь по траве, которая уже покрывается росой; начинают попадаться пробные шурфы, едва защищенные брошенной сверху хворостиной или валежником, – нужна большая осторожность, чтобы в темноте не сломать себе шеи среди приисковой городьбы. В лесу отрывисто бренчат боталамн пущенные на волю лошади. Из плывущего уровня тумана далеко горбится крыша промывальной машины, точно спина какого-то чудовища. Вот и старательские балаганы – около огней паужнают пошабавившие работу семьи. Слышится ребячий плач, говор, чей-то смех. Над кострами качаются чугунные котелки с приисковым варевом, бабы пробуют ложками свою стряпню, коегде к огню просовывается добродушная лошадиная голова, ищущая в дыму защиты от лесного овода. Вообще картина самая оригинальная и слишком близкая моему уральскому сердцу.

Балаган старого кержака Потапа стоял как раз напротив приисковой конторы, и я еще издали заметил сидевшего перед огнем моего товарища по охоте. Вон и сам Потап в кумачной красной рубаше, и его жена, старуха Архиповна, и дочь Солонька, и сын Гордей со снохой. Звонко тявкнула на меня точно выскочившая из-под земли собачонка Курепко и, понюхав воздух, ласково завиляла хвостом.

– Мир на стану... – проговорил я стереотипную охотничью фразу, вступая в полосу света, падавшего от костра, и только хотел ударить приятеля по плечу, но вовремя удержался: это был совсем не он, а какой-то незнакомый молодой человек в крестьянской сермяжке, плисовых шароварах и в мягкой пуховой шляпе на голове.

– Откедова господь несет, родимый мой? – заговорил сам Потап, из вежливости поднимаясь с корточек.

– Куды девал товарища-то?..

– А разве он не приходил?..

– Нет, не слышать... Может, к другому к кому в балаган завернул, да как будто не тово, не слышно.

– Ну, значит, разошлись.

– Известное дело: в лесу-то часто глаза отводит, особливо под вечер. Идешь в одну сторону, а выдешь наоборот... Как помоложе-то был, так лесовал тоже, с ружьишком, значит, и очень хорошо это знаю. Эк-ту одинова верстов с двадцать задарма прочесал... Вот оно какое это самое дело!..

По необыкновенно ласковой разговорчивости старика Потапа и по особенной неприветливости старой Архиповны я сразу понял, что старик выпивши, а так как была середина недели, когда ему выпивки не полагалось, то причиной веселью был, конечно, молодой человек в пуховой шляпе, как и оказалось после. Потап заметно покраснел, чаще обыкновенного мигал глазами и все повторял любимое раскольничье словечко: «родимый мой». Ворот красной, запачканной в приисковой глине рубахи заметно стеснял Потапа, и он щупал свой крепкий затылок, улыбаясь блаженной улыбкой и потряхивая головой. Маленькая темная борода, темные усы и брови придавали старику очень моложавый вид, а в слегка вившихся черных волосах только еще начинала серебриться седина; лицо было тоже свежее, хотя под глазами были уже глубокие морщины; Сын Потапа – Гордей, наоборот, казался старше своих лет и глядел исподлобья, как волк. Это вообще был неприветливый и неразговорчивый малый, уродившийся ни в мать, ни в отца, а в проезжего молодца. Старуха Архиповна когда-то была очень красивая баба раскольничьего склада – высокая, чернобровая, сильная, таких много попадает в старинных раскольничьих семьях. Характер у ней был злой и сдержанный, каким отличается большинство раскольничьих старух, точно она раз и навсегда рассердилась, что отдала всю свою молодость и красоту дочери Солоньке. Эта последняя не вышла в мать только ро» стом, но зато уродилась такая крепкая, как сколоченная. Солонька всегда щеголяла в ситцевых сарафанах, подобранных с чисто заводским щегольством – к ней шел этот вообще неизящный костюм. Лицо у Солоньки было белое с легким загаром и румянцем; черные брови, сердитые темные глаза, ловко собранные в косу темные волосы и красивый небольшой рот делали ее завидной приисковой красавицей.

– Можно заночевать у вас? – спросил я из вежливости, устанавливая свое оружие к балагану.

– Заночуй, коли глянется... – отвечал Потап, мигая с особенной любезностью. – Только у нас там ребенчишко... в балагане, значит. Внучок мой... ну, так, пожалуй, тово... препятствовать только будет. Тоже господское дело, а он мужик, разинет хайло-то...

– Оно точно, что не способно... – заметила угрюмо Архиповна. – Животом скудается третью неделю ребенок-то, замаялись с ним...

– Да вот что, господин охотник, пойдемте к нам в контору ночевать? – неожиданно предложил мне молодой человек в пуховой шляпе.

– В сам-деле, Михаил Павлыч... – подхватил Потап. – Это куды порезонистее, чем в балагане, потому ребенчишко... не укажешь тоже ему, пострелу.

Мне оставалось только поблагодарить и из вежливости отказаться, но молодой человек продолжал настаивать, так что пришлось согласиться. Я только теперь рассмотрел таинственного незнакомца – это был белокурый молодой человек с тонким лицом, большими голубыми глазами и жиденькой растительностью на остром подбородке.

– Так пойдемте... – заговорил молодой человек, поправляя свою шляпу без особенной видимой причины. – Петька теперь как раз чай пьет. Ну, прощай, Архиповна... Когда ко мне в гости-то придешь?..

– А вот как курицы запоют по-петушиному, так я к тебе и подойду... Водки поболее запасай...

– Ах ты, моя матушка... – ласково протянул молодой человек жиденьким тенорком и задумчиво засмеялся.

Когда мы пошли от балагана, прямо через прииск, потонувший в тумане, молодой человек обернулся и спросил провожавшего нас без шапки Потапа:

– Это что старуха-то твоя сердится все на меня?

– А от глупости от своей от старой, Михаил Павлыч... – бормотал Потап, забегая вперед. – Вот я, значит, как уподобился шкаличку, ну, ей и обидно. Одно слово: баба... волос долог, и чтобы настоящего... и нет ево, настоящего-то. Как перед истинным Христом, родимый мой...

Молодой человек опять засмеялся, а Потап, чтобы выказать во всей форме свое усердие, забежал в сторону и пнул ногой стреноженную лошадь прямо в живот. Не ожидавшая нападения лошадь неловко поднялась на дыбы и тяжело начала скакать под гору.

– Зачем ты лошадь беспокоишь, Потап? – спросил я.

– А так... ишь, место где нашла! Еще испугает, пожалуй...

Остановившись, старик каким-то униженным тоном прибавил:

– Михал Павлыч, родимый мой...

– Чего тебе?

– Ах, родимый мой, разозлил ты только меня... а? Ну, какой я теперь человек... так, только замахнулся.

– Да ведь водки нет больше: всю выпили.

– А в конторе?... Эх, Михал Павлыч, уж я заслужу, родимый мой... верно тебе говорю. Только один стаканчик бы...

– Хорошо. В конторе, кажется, еще оставалась водка.

– Уж я знаю... верно Михал Павлыч, родимый мой, да я... вот сейчас провалиться...

Мы шагали в густом тумане под гору, минуя выработки и шурфы, потом перешли плотнику и начали подниматься к конторе, глядевшей на прииск двумя освещенными окнами.

– Михаил Павлыч, вы извините меня... я не помешаю вам? – спросил я, когда мы подходили уже к самой конторе.

Молодой человек быстро оглянулся на меня, издал какой-то неопределенный звук и опять добродушно засмеялся, – мне нравилось, как он смеялся.

II

– Петька чай пьет, – проговорил Михаил Павлыч, бойко избегая на шатавшееся крылечко приисковой конторы.

Мы вошли. Потап из вежливости остался на крылечке. Приисковая контора состояла всего из одной длинной комнаты, выходившей двумя окнами на прииск. Между окнами стоял большой стол, заваленный книгами, бумагами, железными банками из-под золота, гильзами и т. д. Один угол стола был очищен, и на нем стоял кипевший самовар. У окна на деревянном табурете сидел плечистый черноволосый мужчина в золотых очках и читал книгу – это и был Петька, как я имел право догадаться.

– А я гостя привел, Петька, – торопливо заговорил Михаил Павлыч, по пути скидывая свою сермяжку. – Позвольте отрекомендоваться: Михаил Павлыч Рубцов и Петр Гаврилыч Блескин, студенты казанского университета... Просим любить и жаловать.

Мне оставалось отрекомендоваться, в свою очередь, и помню, что я сильно сконфузился, – меня резнуло по уху заманчивое слово «студенты», тогда как я просто был воспитанник среднеучебного заведения и притом находился в самом неблагоприятном возрасте начинающего молодого человека. Меня особенно смутила манера Петьки здороваться молча, причем он чуть вскинул на меня свои серые добрые глаза. Потом у Петьки была такая великолепная темная борода, тогда как воспитанникам среднеучебных заведений полагается какой-то мерзкий пушок, точно у цыпленка. Мне показалось даже, что Петька взглянул на приятеля с немым укором, дескать, зачем ты привел сюда эту дрянь...

– Ага... воспитанник... так!.. – повторял Михаил Павлыч и, повернувшись на одной ножке, каким-то пискливым голосом спросил – А вы с чем чай употребляете: с ромом или с коньяком?.. Ни то, ни другое?.. Жаль, значит, Америки не откроете. Та-та, ведь с нами Потап пришел, вот и компания... Эй, Потап, гряди в гридницу, и возрадуемся, яко радуется пьяница о склянице.

Потап не заставил себя просить и высунул в приотворенную дверь одну голову с усиленно моргавшими глазками.

– Михаил Павлыч, родимый мой...

– Да иди, черт деревянный!..

Перешагнув порог, Потап остановился у самых дверей я забавно скосил глаза в сторону Петьки – я вполне понимал старика.

– Это ты Петьки боишься? – спрашивал Михаил Павлыч, вытаскивая бутылку с водкой. – Ого, нагнал он на тебя холоду...

– Уж это точно... Петр Гаврилыч постепнее много будут вашей милости, Михаил Павлыч. Уж ты извини меня, родимый мой, на глупом слове...

– Верю... Ну, будет тебе дурака-то валять, Потап. Вот на, выпей стаканчик и марш к старухе...

Потап дрожащей рукой принял стаканчик, перекрестился, отвесил поклон хозяину и выпил так аппетитно, что Михаил Павлыч даже крикнул от удовольствия.

– Вот это я люблю... – похвалил он старика, налил себе стаканчик и фальшиво запел:

Мы петь будем и гулять будем,
А и смерть придет – помирать будем.

Пока Михаил Павлыч выпивал свою порцию, Потап почтительно выпятился в дверь.

– Се что красно и добро есть: живите, братие, вкупе, – проговорил Михаил Павлыч, пряча бутылку, – а посему, Петька, мы будем чай распивать.

Петька молча налил нам стаканы и опять уткнул нос в книгу, точно он был чем-то очень недоволен.

За чаем я успел рассмотреть нехитрую обстановку конторы, то есть две кровати, сооруженные на живую нитку, железный сундук, служивший кассой, дрянное ружье на стене, висевшую в углу волчью шубу, гитару и большую полку, набитую книгами. На окне тоже лежали книги, весы для приемки золота, приготовленный для работы хороший микроскоп, банка с плававшей лягушкой и несколько стеклянных трубочек, какие употребляются при химических опытах.

– Вы что же это, господин воспитанник, чаю мало пьете? – спрашивал Михаил Павлыч, когда я отказался от четвертого стакана. – Сие не есть укоризненно даже и детскому возрасту... Петька, валяй мне пятый сосуд, ибо и пити вмерти и не пити вмерти, так лучше ж пити и вмерти!.. Так, молодой человек?..

Михаил Павлыч говорил за всех, пил стакан за стаканом, отдувался, вытирал лицо платком и от удовольствия даже болтал короткими ножками. Он вглядывался в меня прищуренными близорукими глазами, улыбался и продолжал болтать, как школьник.

– Ух, задохся, отцы мои!.. – заявил он, наконец, и распахнул окно. – Этакая благодать стоит... Петька, очнись, ведь умирать не надо! Да посмотри ты в окно-то...

Петька, чтобы отвязаться, заглянул в окно и опять уткнулся в свою книгу. А летняя ночь была действительно замечательно хороша... От самой конторы разлился по всемулогу волоконистый туман, за ним, у опушки леса, как волчьи глаза, светились старательские огоньки, а над всей этой картиной глубокой бездонной шапкой вставало искрившееся небо. Где-то в тумане скрипели два коростеля, смутно доносились звуки лошадиных ботал и лай перекликавшихся собак. В окно вливалась свежая струя ночного воздуха и несла с собой смолистый аромат елового леса и душистых лесных трав. Я даже пожалел, что ушел из балагана Потапа в контору, – там у огонька так хорошо теперь.

Мы заговорили об охоте. Михаил Павлыч тоже был охотник, хотя по близорукости плохо видел дичь.

– А вот мы завтра утром под Липовую гору сходим, – говорил он, высовываясь в окно и всей грудью вдыхая ночной воздух. – Ведро установилось; загубим рябцов пять... Петька, слышишь?

– Что такое?

– Тьфу ты, окаянная душа... Рябцов, говорят тебе, принесем.

– Ага... отлично.

Петька был тоже в простой ситцевой рубашке, в шароварах и в такой же шерстяной поддевке, как у Михаила Павлыча. Заложив ногу за ногу, он продолжал читать и время от времени сосредоточенно хмурил брови.

– Это ваша гитара? – спросил я Рубцова, когда он заметно притих и задумчиво смотрел куда-то в туман.

– А вы играете?

– Немножко.

– Вот это великолепно...

Не помню хорошенько, с чего я начал показывать свое искусство, но потом заиграл известную казанскую студенческую песню:

Где с Казанкой-рекой,
Точно братец с сестрой,
Тиногрязный Булак
обнимается.

Петька оставил книгу и начал смотреть задумчиво на гитару. Рубцов наклонился к моему плечу, и я чувствовал на своей щеке его горячее дыхание, а потом он со слезами на глазах обнял меня и даже поцеловал.

– Голубчик, миленький... вот уважил-то!.. – шептал он задыхавшимся голосом. – Ну, еще разик... Петька, очнись!.. Вот именно так:

Тино-гря-а-азный Бу-лак
обнима-а-а-ается!..

Рубцов вытащил спрятанную бутылку и залпом выпил новый стаканчик. Он походил на сумасшедшего и несколько раз бросался обнимать Петьку и кончил тем, что швырнул его книгу в угол.

– К черту... все к черту!.. – кричал он, бегая по комнате. – *Gaudeamus, juvenes dum sumus....*¹ А ну-ка еще эту, ну, как ее... ее... Да вот:

По чувствам братья мы с тобою...²

Я знал и «эту». Рубцов пел под аккомпанемент с увлечением, хотя страшно фальшивил и сердился на самого себя. Петька тоже подтягивал свежим ровным баском, какой бывает только у таких здоровяков. В порыве восторга Рубцов как-то машинально хлопнул второй стаканчик, заметно покраснел и долго смотрел на меня улыбающимися, но печальными глазами – последнее было его особенностью.

– Голубчик, понимаете ли вы... ах, нет, надо это пережить... да, пережить!.. – торопливо заговорил он, роняя слова. – Ведь это огнем по сердцу... это жизнь... Петька, помнишь?..

Схватившись за голову, Рубцов заплакал. Это было так неожиданно и непонятно для меня, что я оставил гитару и смотрел то на ходившего по комнате Рубцова, то на спокойно попыхивавшего папироской Петьку. Заметив мое смущение, Рубцов улыбнулся сквозь слезы и взял у меня гитару.

– Позвольте, голубчик, я вам сыграю мою единственную... – говорил он, усаживаясь с гитарой на окно. – У меня, как у волка, всего-навсего одна песенка... Вперед извиняюсь за свое козлогласие.

Своим фальшивившим тенориком Рубцов запел старинный романс:

В хижину бедную.³
Богом хранимую,
Скоро ль опять возвращусь...

– Нет, это не то... – заговорил он, оставляя гитару. – Нука еще... Помните, у Иловайского во всеобщей истории есть анекдот? Пировал король Артур со своими рыцарями – может быть, и не Артур, ну, да не в этом дело! – на дворе темная осенняя ночь; в зале, где пировали рыцари', горели огни, и вдруг влетает маленькая птичка... Рыцари задумались, а птичка улетела в окно. Один рыцарь встает и говорит: «Король, эта птичка напоминает мне человеческую жизнь, у которой темно впереди и назад...» Голубчик, вот и студенческие песни то же, что птички, – они напоят нас о нашей жизни... Кажется, Петька, я начинаю завираться и немножко

---

¹ Будем веселиться, пока мы молоды... (лаг.) – Старинная студенче-ская песня.

² По чувствам братья мы с тобою – из стихотворения «А. А. Бестужеву», приписываемого К. Ф. Рылееву. Стихотворение было положено на музыку и стало знаменитой революционной песней.

³ В хижину бедную... – из песни Марии, героини драмы «Материнское благословение, или бедность и честь». Перевод-переделка с французского Н. А. Некрасова.

того... что-то как будто не подходит... Ну, да все равно, если не теперь, так после поймете меня. Нет, мне решительно душно здесь – пойдемте на воздух, господа...

III

На поляне, между конторой и какими-то амбарами, кучером Софроном был разложен небольшой костер. На огонь появился опять Потап и бестолково суетился, мешая Софрону.

– Ты еще все здесь? – удивился Рубцов.

– Родимый мой... Михаил Павлыч... – бормотал Потап и расслабленно махал рукой. – Уважил ты меня... то есть, ах, как уважил!..

Софрон, молчаливый, красивый парень, как-то брезгливо старался не замечать пьяного старика и несколько раз, будто невзначай, толкнул его локтем. Было уже часов девять. На восточной стороне неба, из-за Сосуна-Камня, всплыла длинная туманная полоска и медленно тянулась к ярко блестевшему месяцу; зубчатая линия ельника, окружавшего прииск со всех сторон, точно была посеребрена. Горная даль, видневшаяся в приисковую просеку, совсем потонула в сквозившей белесоватой мгле. Ближе лес, кусты и пригорки слились в сплошные темные массы. Густой туман по-прежнему заволакивал весь прииск, и только кой-где еще мелькали догоравшие огоньки, – народ спал, завтра нужно было подниматься на работу вместе с солнцем. Воздух был теплый, и над огнем скоро с тонким писком закружились неугомонные комары. Изредка налетала ночная птица и, как брошенный камень, опять пропадала в окружающей темноте.

Мы поместились на разостланной сермяжке Рубцова и долго сидели около огня молча, покуривая папиросы. На минутку пришел Петька, посидел на корточках около огня, помолчал и поднялся уходить.

– Петька, ты куда? – окликнул его Рубцов.

– А спать... – лениво ответил Петька, потягиваясь.

– Ну, черт с тобой...

Рубцов, видимо, был недоволен бесчувственностью приятеля и нервно теребил свою жиденькую бороденку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.